

ВСТРЕЧИ С ЗАБЫТЫМ

Изгнание В. В. Стратонова

В. А. Бронштэн,

кандидат физико-математических наук
Москва

ОСЕНЬЮ 1922 г. из России в Германию отправился так называемый «философский пароход», на котором выслались около 200 человек — часть интеллектуальной элиты страны. Наиболее заметную группу составляли философы (Н. А. Бердяев, Н. О. Лосский, Л. П. Карсавин, Ф. В. Степун и другие), социологи (П. А. Сорокин), историки (А. А. Кизеветтер, В. А. Мякотин, С. П. Мельгунов), психологи (И. А. Лапшин), публицисты (А. С. Изгоев, А. Б. Петрищев), богословы (С. Н. Булгаков). Находились среди них и ученые-естественники: агрономы А. С. Каган, В. Д. Бруцкус, математик Д. Ф. Селиванов.

Одним из высланных был выдающийся русский астрофизик, профессор Всеволод Викторович Стратонов. Если философы, историки, богословы, публицисты, писатели изгонялись за публично высказываемые взгляды, не укладывающиеся в жесткую схему дозволенного, то за что выслались астрофизик? Политикой он не занимался. Ничего выходящего за пределы своей специальности не писал. Более того, Стратонов сознательно пошел на сотрудничество с Советской властью. Так за что же?..

Прежде чем изложить свою версию ответа, познакомим читателя со Стратоновым.

В ТАШКЕНТСКОЙ ОБСЕРВАТОРИИ

Всеволод Викторович родился 17 апреля 1869 г. в Одессе в семье директора классической гимназии. Окончив гимназию с золотой медалью, он поступил в Новороссийский (Одесский) университет, где кафедрой астрономии руководил профессор А. К. Кононович (1850—1910), один из пионеров астрофизических исследований в России. Работы Кононовича по измерению положения солнечных пятен (для изучения вращения Солнца), вычислению орбит двойных звезд и некоторые другие определили направление исследований и его ученика.

Стратонов окончил университет в 1891 г., получив диплом 1-й степени и золотую медаль за работу по астрометрии и практической астрономии («Пассажный инструмент и определение географических координат»). Но в дальнейшем перешел полностью на астрофизическую тематику.

Проработав год в Одесской обсерватории, он был откомандирован в Пулково, под непосредственное руководство крупнейшего русского астрофизика Ф. А. Бредихина. Два года спустя Пулковская обсерватория получила заказанные за границей два так называемых нормальных астрографа для работ по международной про-

грамме «Карта неба». Это были однотипные фотографические телескопы-рефракторы, один из которых предполагалось установить в Пулкове (что и было вскоре сделано), другой — в Ташкенте, где еще с 1874 г. существовала астрономическая обсерватория, принадлежавшая военному ведомству. Специально для работы на нормальном астрографе здесь была учреждена должность астрофизика, на которую по рекомендации Бредихина был приглашен Стратонов.

Директор обсерватории военный геодезист Д. Д. Гедеонов при поддержке начальника Военно-топографического отдела штаба Туркестанского военного округа С. И. Жилинского (в ведении которого была обсерватория) установил для астрофизика условия полной автономии. Так, заведующий обсерваторией не должен был контролировать переписку астрофизика с зарубежными фирмами, которым он заказывал необходимые для работы приборы, не имел права занимать астрограф для других работ и даже заходить в башню астрографа или в лабораторию астрофизика без его согласия. Естественно, что эти запреты распространялись и на всех остальных сотрудников.

Последовавшее затем десятилетие — самый плодотворный период в научной деятельности Стратонова, а кроме того — начало астрофизи-

Группа членов оргкомитета и сотрудников Главной российской астрофизической обсерватории. Сидят: четвертый слева В. В. Стратонов, третий слева В. Г. Фесенков, первый справа Б. М. Щиглов. Стоит первый слева С. В. Орлов. 1922 г.

ческих и звездно-астрономических исследований в Ташкентской обсерватории, успешно ведущихся и теперь. За этот период (1894—1904 гг.) на нормальном астрографе было получено более 400 снимков неба и небесных объектов, в том числе около 200 фотографий шаровых и рассеянных звездных скоплений, 85 снимков положений малой планеты Эрот во время ее весьма удобного для наблюдений противостояния 1900—1901 гг., а также ряд фотографий Млечного Пути, светлых и темных туманностей, переменных звезд, планет, поверхности Солнца.

Используя ясное и прозрачное ташкентское небо (каким оно было сто лет назад), Стратонов при фотографировании звездных скоплений и туманностей применял многочасовые экспозиции, порой в течение нескольких ночей. Так, при фотографировании Плеяд экспозиции составляли 10, 17 и даже 25 часов. Для получения одной из 25-часовых экспозиций понадобилось 9 ночей наблюдений. Двойное звездное скопление $\%$ и h Персея фотографировалось с экспозицией в 30 часов!

Каковы же были непосредственные научные результаты, полученные Стратоновым?

В области изучения Солнца он, продолжая исследование Кононовича, провел тщательное измерение скоростей вращения поверхности Солнца на разных широтах по наблюдениям факелов (ярких облаков на фоне солнечного диска). Уже в 1895 г. он опубликовал в журнале «Astronomische Nachrichten» предварительное сообще-

ние о своих результатах, а в 1897 г. напечатал в «Записках Санкт-Петербургской Академии наук» большой (100 страниц) мемуар на эту тему, удостоенный государственной (императорской) премии.

Основной вывод Стратонова заключался в том, что каждый широтный пояс Солнца имеет свою скорость вращения.

Большое внимание Стратонов уделил исследованию звездных скоплений, в частности Плеяд. Провел статистику звезд в Плеядах, измерил их собственные движения, изучил зависимость «светимость — спектр». Особое внимание уделил туманностям и обнаружил их волокнистую, а порой клочковатую структуру. Подробно были исследованы рассеянное скопление $\%$ и h Персея, шаровое звездное скопление в Геркулесе, а также рассеянное скопление в Щите. Помимо туманностей в Плеядах Стратонов исследовал кольцевую туманность в созвездии Лиры и ряд других.

Интересные результаты были получены Стратоновым и в области звездной астрономии. Он доказал, что наблюдаемое разделение Млечного Пути — явление кажущееся, вызванное наличием темной, поглощающей свет диффузной материи. Вывел новый закон убывания числа звезд Млечного Пути с изменением астрономической широты, а также закон их распределения по долготам. Предпринял титаническую работу по выявлению этих распределений для 900 тыс. звезд в интервалах видимых звездных величин, взятых через 0,5 звездной величины, построил карты полученных распределений. В ходе этой работы Стратонов получил более сложную картину строения нашей Галактики, значительно отличающуюся от принятых тогда моделей В. Я. Струве и Г. Зеелигера. Одним из важнейших результатов этого исследования явилось открытие звездных облаков.

Итоги этого большого труда были опубликованы в 1900—1901 гг. на французском языке в двух частях под названием «Etude sur la structure de l'Univers» («Исследование строения Вселенной»).

Целый ряд публикаций Стратонова посвящен результатам наблюдений переменных звезд (в частности, Миры Кита), Новой Персея 1901 г., а также наблюдениям метеорного потока Леонид в 1896—1897 гг.

НА КАВКАЗЕ

В 1904 г. из-за болезни глаз Стратонов был вынужден оставить Ташкентскую обсерваторию и вообще работу астронома-наблюдателя. Он переезжает на Кавказ, где становится чиновником для особых поручений наместника Кавказа. А в 1911 г. открывает свой банк.

Однако и в этот, «кавказский» период, продолжавшийся до самой Октябрьской революции, Стратонов пишет и издает (на свои средства) ряд научно-популярных и учебных книг по астрономии. В 1910 г. в Тифлисе выходит его роскошно изданная книга «Солнце» с мно-

гочисленными иллюстрациями. Через четыре года за эту книгу он получил премию Русского астрономического общества. Тремя изданиями выходит его учебник «Космография», получивший одобрение Министерства народного просвещения и ряда других ведомств. Специально для женских гимназий и духовных семинарий Стратонов пишет «Сокращенный курс космографии». Двумя изданиями выходит научно-популярная книга «Здание мира» (второе издание вышло уже в 1918 г.).

Еще в 1916 г. была набрана научно-популярная книга Стратонова «Звезды». Но две революции задержали печатание тиража. В конце этой книги, как было тогда принято, помещалась реклама ранее изданных сочинений автора и выдержка из отзывов на данную книгу. Среди них, в частности, имелись такие строки: «Учебным комитетом при Собственной Его Императорского Величества канцелярии по учреждениям Императрицы Марии рекомендована как весьма полезное руководство в средних учебных заведениях». О необычной судьбе этой книги мы расскажем ниже.

В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

С 1918 г. Стратонов — профессор Московского университета. Его избирают деканом физико-математического факультета. Он читает курс общей астрономии для студентов-первокурсников. По отзыву одного из его слушателей, впоследствии знаменитого Б. А. Воронцова-Вельяминова, лекции его были интересны.

В эти же годы Стратонов заведовал физико-математическим отделением Главной государственной библиотеки в Москве (нынешней Библиотеки им. В. И. Ленина). В 1918—1920 гг. он был научным консультантом Наркомпроса, курировал издание научной литературы во всей стране.

В эти же годы решилась судьба уже набранной книги Стратонова «Звезды». В 1919 г. издатель В. В. Думнов напечатал ее с готового набора.

Уже не было ни его императорского величества, ни собственной его канцелярии, ни императрицы Марии и ее ведомства, но приведенные выше строки из отзыва не исключаются, только чуть ниже к ним добавляется скромная надпись: «Издание зарегистрировано и цена утверждена Отделом печати М. С. Р. и Кр. Д.» (то есть Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов).

Монография «Звезды» принесла Стратонову еще одну премию Русского астрономического общества.

БИТВА ЗА ПРОЕКТ АСТРОФИЗИЧЕСКОЙ ОБСЕРВАТОРИИ

В начале 1920 г. Стратонов выступил с предложением построить на юге России большую астрофизическую обсерваторию, оснащенную самым современным оборудованием и приборами, которые следовало выписать из-за границы. Несмотря на тяжелое время (разруха, гражданская война), правительство с пониманием отнеслось к этому предложению. Оно рассматривалось в научном отделе Наркомпроса, которым руководил тогда профессор Д. Н. Артемьев, минералог по специальности.

Здесь с самого начала идея Стратонова встретила яростное противодействие со стороны члена коллегии научного отдела В. Т. Тер-Оганезова. Астроном по образованию, ученик самого С. П. Глазенапа, Тер-Оганезов не снискал лавров на астрономическом поприще. Вступив еще в молодые годы в РКП(б), он быстро завоевал доверие заместителя наркома просвещения историка М. Н. Покровского, который поручил ему... разработать план реорганизации Российской Академии наук в Ассоциацию наук. Тер-Оганезов такой проект представил, но, к счастью, его забраковал нарком А. В. Луначарский.

В чем же состояли возражения Тер-Оганезова против идеи Главной российской астрофизической обсерватории? Ведь это предложение поддержали такие видные ученые, как академик А. А. Белопольский,

члены-корреспонденты АН А. А. Иванов, Г. А. Тихов, профессора С. К. Костинский, И. А. Балановский, физики А. К. Тимирязев и В. А. Михельсон. Вместе со Стратоновым пришли в научный отдел Наркомпроса, чтобы отстаивать проект, московские астрономы профессора С. Н. Блажко и А. А. Михайлов.

Тер-Оганезов излагал свои возражения сперва в закрытом заседании, когда же были приглашены трое пришедших астрономов, его возражения свелись к следующему. Строительство новой астрофизической обсерватории создаст ненужный параллелизм с работой в Пулкове. Кроме того, существуют планы перенести на юг Пулковскую обсерваторию, для чего там при ученом совете образована специальная комиссия. Этой комиссии и следует поручить, по мнению Тер-Оганезова, дальнейшее рассмотрение проекта, представленного Стратоновым.

Государственный ученый совет Наркомпроса не послушал Тер-Оганезова и в мае 1920 г. образовал временный комитет по устройству Главной астрофизической обсерватории в составе Стратонова (председатель), Блажко, Костицына, Михайлова и Тимирязева. Были собраны мнения специалистов. Все опрошенные астрономы, физики и геофизики решительно поддержали проект. Развернутые письма с поддержкой этой идеи прислали Главная физическая обсерватория, Российская ассоциация физиков, Всероссийский астрономический союз, Московское общество любителей астрономии. Организации и отдельные специалисты вносили конкретные предложения по тематике работ будущей обсерватории, ее оснащению теми или иными приборами и многие другие.

На одном из заседаний временного комитета директор Пулкова А. А. Иванов отвел как необоснованные все опасения Тер-Оганезова насчет «ненужного параллелизма» новой астрофизической и Пулковской обсерваторий, указав на различие их задач, а также на преимущества южной обсерватории (хороший астроклимат,

возможность изучать объекты южного неба). Никакой комиссии по переносу Пулковской обсерватории, сказал он, не существует, этот вопрос действительно обсуждался, но в самом общем плане. Поддерживая идею Стратонова, Иванов предложил свою помощь в подготовке молодых специалистов.

25 марта 1921 г. Государственный ученый совет при Наркомпросе, невзирая на новые энергичные возражения Тер-Оганезова, принял решение об учреждении Главной российской астрофизической обсерватории (ГРАФО) и утвердил ее оргкомитет во главе со Стратоновым. Для работы в ней были приглашены В. Г. Фесенков (будущий академик), С. В. Орлов (будущий член-корреспондент АН СССР), Б. М. Щиголов, Р. В. Куницкий, К. Ф. Огородников (будущие профессора). В районы Одессы и Северного Кавказа направились экспедиции для выбора места строительства.

Но Тер-Оганезов не простил Стратонову своего поражения и через полтора года жестоко отомстил.

Какова же была дальнейшая судьба этого начинания? Уже в 1923 г. на базе оргкомитета в Москве был образован Государственный астрофизический институт (ГАФИ) с загородной обсерваторией в Кучине, организованной Фесенковым. В 1931 г. ГАФИ объединился с Московской университетской обсерваторией и Астрономо-геодезическим институтом в Государственный астрономический институт им. П. К. Штернберга (ГАИШ), успешно работающий и по сей день.

А как же с южной обсерваторией? Свою южную станцию в Крыму ГАИШ сумел построить только в 1958 г. Но тремя годами раньше вступила в строй Крымская астрофизическая обсерватория, где были претворены в жизнь основные планы Стратонова.

ПРОФЕССОРСКАЯ ЗАБАСТОВКА

В начале февраля 1922 г. обстановка в университете, да и в других московских вузах резко обострилась. Принятый

Наркомпросом новый устав вузов, ухудшавший положение и права профессорско-преподавательского состава, низкая зарплата профессоров, плохая обеспеченность лабораторий — все эти факторы явились причиной целой серии профессорских забастовок. Одним из организаторов забастовки в Московском университете был декан физико-математического факультета профессор Стратонов. Кроме него в забастовке приняли участие академик А. П. Павлов (геолог), профессора В. С. Гулевич (биолог), В. А. Костицын (математик и астроном), К. А. Круг (теплофизик), Л. К. Рамзин (энергетик), Ю. В. Сергиевский (историк) и другие.

Московских профессоров принял и внимательно выслушал заместитель председателя Совнаркома А. Д. Цюрупя. Усилиями Цюрупы и Луначарского был принят ряд срочных мер для улучшения быта ученых и помощи высшей школе. Вскоре забастовка была прекращена.

Так, может быть, причиной высылки Стратонова было именно его активное участие в профессорской забастовке? Но тогда почему не были изгнаны из страны другие ее участники из числа ученых-естественников?

Не следует забывать, что подготовка высылки и составление соответствующих списков продолжались несколько месяцев. О готовящейся акции мог узнать и Тер-Оганезов. Его как единственного в то время астронома-коммуниста могли спросить: а нет ли реакционно мыслящих лиц среди московских астрономов? У автора этих строк не возникает никаких сомнений, что именно Тер-Оганезов назвал фамилию Стратонова. Правда, нет и прямых доказательств этого. Но есть косвенные.

Оказывается, даже после высылки Стратонов продолжал числиться в штате ГАФИ и получать там зарплату. По иронии судьбы в 1928 г. заместителем директора этого института был назначен... Тер-Оганезов. И горячий противник будущей обсерватории, давшей начало этому институту, уволил

его организатора. В апреле 1938 г. на заседании партийно-комсомольской группы Московского отделения Всесоюзного астрономо-геодезического общества Тер-Оганезов прямо охарактеризовал Стратонова как врага советской власти.

Весной 1940 г. в беседе с автором этой статьи Тер-Оганезов откровенно поставил себе в заслугу то, что в 20-е годы «боролся со Стратоновым». Тогда же за простую ссылку в задачнике по астрономии на одну из книг Стратонова по его предложению был отведен из списка представленных в члены-корреспонденты АН СССР выдающийся советский астрофизик, профессор Б. А. Воронцов-Вельяминов. Так Тер-Оганезов продолжал борьбу со

Стратоновым уже после его смерти.

НА ЧУЖБИНЕ

Покинув не по доброй воле нашу страну, Стратонов (как и большинство высланных) попал в Берлин, но пробыл там недолго. Тем не менее он успел вместе с несколькими коллегами организовать в Берлине Русский научный институт, чтобы помочь детям российских эмигрантов продолжать учение, а эмигрантам-ученым — научную деятельность.

В 1923 г. Стратонов переехал в Прагу, где жил и работал до конца своих дней. Он читал научно-популярные лекции по астрономии во многих городах Чехословакии, а

также в Литве, Латвии и Эстонии. Сотрудничал он и с Русским национальным университетом в Праге. Получив чехословацкое гражданство, он начал читать курс лекций по общей и практической астрономии в Чешском высшем техническом училище в Праге. В 1927 г. он издал учебник «Астрономия» на чешском языке, который был переиздан на немецком. В последние годы жизни Стратонов обрабатывал свои наблюдения Эрота, выполненные в 1900—1901 гг. в Ташкенте, готовил к печати лекции по общей астрономии.

Умер Стратонов 6 июля 1938 г. и похоронен в Праге, на Русском кладбище на Ольшанах.